

Ключевое значение для петровской кампании имели два христианских княжества, Валахия и Молдавия. Они располагались к югу от Карпат и к северу от Дуная, то есть на территории, которая в наше время частично принадлежала Советскому Союзу и частично Румынии. В XV и XVI веках эти княжества, ища безопасности, отдались под власть Высокой Порты. Они сохранили во внутренних делах автономию, а взамен за покровительство обязались платить султану ежегодную дань.

Однако со временем Порты присвоила себе право назначать и смещать местных князей — господарей. Князья, мечтавшие сделать свою власть наследственной, принялись потихоньку искать поддержки в других местах. В правление царя Алексея Михайловича они вели предварительные переговоры с Москвой о переходе под руку России, но царь был тогда слишком поглощен польскими делами.

В 1711 году в Валахии, наиболее сильном и богатом из двух княжеств, правил господарь Константин Бранковяну, человек коварный и изворотливый. Он занял это положение, отравив предшественника, и благодаря своим дарованиям не только удерживал власть в течение двадцати лет, но и создал сильную армию и составил огромное личное состояние. На взгляд султана, Бранко-

407

вяну был чересчур богат и могуществен для вассального князя, поэтому при первой возможности господаря не замедлили бы сменить. Бранковяну чуял, к чему все идет, и, убедившись после Полтавы, что звезда Петра восходит, вступил с царем в тайный сговор. В случае войны между Россией и Турцией Валахия должна была принять сторону царя, выставить 30-тысячное войско и обеспечить снабжение русской армии на территории Валахии — правда, за счет Петра. Со своей стороны, Петр обещал гарантировать независимость Валахии и наследственных прав Бранковяну и наградил господаря орденом Св. Андрея Первозванного.

Молдавия была слабее и беднее Валахии, правители в ней часто менялись. Последний из них, Димитрий Кантемир, в 1711 году находился у власти меньше года — его назначил султан в расчете, что тот поможет Порте захватить и свергнуть своего соседа Бранковяну и за эту услугу получит титул господаря и Валахии, и Молдавии. Однако Кантемир, прибыв в свою новую столицу, Яссы, тоже заметил, что фортуна отворачивается от турок, и, соблюдая строжайшую секретность, начал переговоры с Петром. В апреле 1711 года он подписал с царем договор, по которому соглашался помогать русским и поставить от себя 10000 солдат. За это Молдавии была обещана независимость под протекторатом России. Таким образом, княжество освобождалось от уплаты дани, а род Кантемиров превращался в наследственную династию.

:

Итак, заручившись обещаниями о поддержке со стороны этих двух честолюбивых правителей, всей душой ненавидевших друг друга, Петр выступил в поход на турок.

В Молдавии действия Кантемира встретили поддержку. «Ты правильно поступил, призвав русских освободить нас от турецкого ига, — говорили ему местные

408

бояре. — Если бы открылось, что ты собираешься идти на соединение с турками, мы бы тебя покинули и сдались царю Петру. Так мы решили». Но Кантемир знал также и то, что османская армия уже выступила в поход и что когда великий визирь подойдет поближе, туркам станет ясно, что он и его княжество передались царю. Поэтому он слал депеши Шереметеву, командовавшему главными силами русской армии, и просил фельдмаршала поторопиться. Кантемир умолял его выслать хотя бы передовой отряд в 4000 солдат, чтобы оградить народ Молдавии от мести турок, если невозможно ускорить продвижение главных сил. Петр, со своей стороны, тоже приказывал Шереметеву поспешить. Царь хотел, чтобы войска подошли к Днестру и переправились через реку к 15 мая — тогда оба княжества оказались бы под защитой, а у сербов и болгар появился бы стимул поднять восстание.

Для того, чтобы молдаване восприняли вступление иностранных войск как благо, Шереметева снабдили отпечатанными воззваниями царя ко всем балканским христианам:

Понеже турки варвары, христовой церкви и православного народа гонители, многих государств и земель несправедливые завоеватели и многих церквей и монастырей разорители, недовольны сущим владением Греческого империя и иных многих potentatov не завоеванных, но неправдою взятых, и, прельщая сирых, убогих и вдовых, склоняют прежде в свою протекцию, а потом, яко волцы, овец расхищали и стадо христианское разоряли... Всем добрым, чистым и кавалерским христианским сердцам должно есть, презрев страх и трудности, за церкву и православную веру не токмо воевати, но последнюю каплю крове пролияти, что от нас по возможности и учинено будет» .

Кроме того, Петр дал своему фельдмаршалу строгие указания, как должны вести себя русские войска во

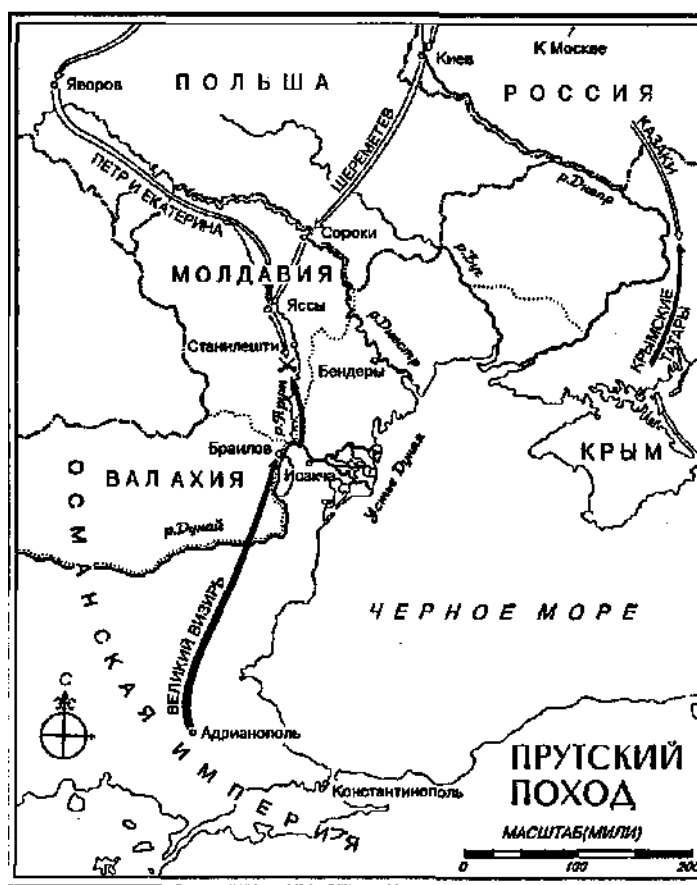
409

время марша по Молдавии — им предписывалось держаться достойно и платить за все, что станут брать у христиан, а за мародерство полагалась смертная казнь. Как только Кантемир выступил за союз с Россией и показались первые русские войска, молдаване начали громить живших среди них турок — сначала в Яссах, а потом и по всему княжеству. Многих поубивали; остальные лишились коров, овец, лошадей, одежды, серебра и драгоценностей.

Изначально Петр планировал, что Шереметев пойдет прямо на юг, вниз по восточному берегу Прута до его слияния с Дунаем, и там перекроет путь туркам. Но когда 30 мая (на две недели позже, чем рассчитывал Петр) Шереметев подошел к Днестру возле Сорок, Кантемир упросил его направиться прямо на Яссы, столицу Молдавии, и 5 июня его армия стала лагерем вблизи Ясс, на западном берегу Прута. Оправданием фельдмаршалу, нарушившему приказ Петра, служило то, что армия претерпела тяжкие лишения в походе через степи под палящим солнцем и нуждалась в пополнении. Лошадей в пути тоже едва удалось прокормить, потому что траву выжигали татарские всадники, неотвязно следовавшие за армией на флангах. К тому же Шереметев понимал, что он, скорее всего, опоздал помешать туркам переправиться через Дунай и что для обороны Молдавии от великого визиря будет лучше, если он перейдет на другой берег Прута.

Петр, прибывший в Сороки позже Шереметева, гневался, что старый генерал позволил туркам себя опередить. Тем не менее, когда Шереметев изменил первоначальный план, царь, двигавшийся следом, вынужден был идти тем же путем — всякое иное решение разъединило бы армию. Отряду Петра сильно досталось во время перехода, и когда он 24 июня добрался до Прута, солдаты валились с ног от усталости. Царь оставил их отдыхать, а сам поехал вперед, переправился через реку и прибыл в Яссы, чтобы держать совет с Кантемиром. Ему

410

оказали истинно царский прием и устроили грандиозный пир. Господарь произвел хорошее впечатление: «Он человек очень разумный и полезный в совете» — такова была царская оценка. В Яссах Петр принял двух посланцев с предложением мира от великого визиря. Оно было завуалировано, но отражало нежелание визиря — и султана, стоявшего за ним, — вступить в боевые действия и тем подтолкнуть русских к отправке флота в Черное море. Однако Петр отклонил это предложение. Царь, окруженный своей армией, уверенный в поддержке молдаван и валахов, осведомленный о том, что визирь не хочет драться, был уверен в победе. В этом веселом расположении духа Петр повез Кантемира посмотреть на русские войска, ставшие лагерем на Пруте. Там, вместе с Екатериной и гостями, он отпраздновал вторую годовщину Полтавы, великой победы, без которой не было бы ни этой встречи, ни самого похода.

Пока царь праздновал, положение его армии ухудшалось. Великий визирь закончил переправу при Исаке-че и, узнав, что Петр не пожелал мириться, выступил на север со своим 200-тысячным войском. Между тем, Валахия, которая, в конечном счете, была гораздо важнее для петровской кампании, чем Молдавия, до сих пор злоебно молчала. В Валахии все зависело от господаря Бранковяну. Пока он открыто не поднял княжеское знамя за царя, едва ли можно было ожидать, что знать и простой народ откликнутся на призыв Петра восстать против турок. Но Бранковяну был испуган и: потому осторожен. Он знал, что огромная турецкая армия выступила в поход, и понимал, что произойдет, если турки победят, а он окажется на стороне проигравших. Поэтому он не рискнул открыто выступить на стороне русских, и эта политика нашла полную поддержку его бояр. «Не стоит выступать за Россию, пока армия царя не перейдет Дунай»³, — считали они. Когда же турки первыми переправились через Дунай, Бранковяну сделал выбор. В тот самый момент, когда великий визирь, из-

вещенный о его измене, приказал арестовать господаря, Бранковяну вдруг опять переменял фронт. Якобы обиженный тоном петровского письма, господарь провозгласил, что более не считает себя связанным тайным договором с царем, и передал туркам припасы, которые собрал для русской армии на деньги Петра. Это предательство оказало немедленное и сокрушительное воздействие на русскую кампанию. Провиант улетучился, а молдаване не в

силах были восполнить его нехватку.

Но все-таки Петр не отступился от задуманного. Ему сказали, что для турок собран большой запас продовольствия и оно лежит без охраны в низовьях Прута, при слиянии его с Дунаем. Так как главные турецкие силы перешли Дунай и двигались на север вдоль восточного берега Прута навстречу русским, царь решил перейти на западный берег и спускаться к югу. Если ему повезет, он обойдет визиря с фланга, завладеет турецкими припасами и отрежет османскую армию от главной базы. Чтобы повысить шансы на успех, Петр отправил Ренне со всей русской 12-тысячной кавалерией вниз по западному берегу Прута в тыл османам с приказом захватить или сжечь склады в Браилове на Дунае. 27 июня кавалерия выступила в поход, а через три дня пехота переправилась через Прут и двинулась на юг, вниз по западному берегу, тремя колоннами. Первую вел генерал Янус, вторую — царь, третью — Репнин.

Первым вступил в соприкосновение с турками Янус. Русские с турками шли навстречу друг другу по противоположным берегам Прута, и 8 июля авангарды обеих армий наконец встретились: те и другие опешили — их разделяла только река. Когда об этом сообщили великому визирю, первая его мысль была отступить. «Он еще никогда не видал вражеских войск, а от природы был большим трусом и сразу решил, что пропал»⁴, — писал Понятовский, следовавший с османской армией. Общими усилиями татарский хан Девлет-Гирей, Понятовский и янычарский ага укрепили мужество великого визиря,

413

и на следующий день турецкая армия снова двинулась дальше на север. Турецкие инженеры поспешно наладили переправы, чтобы турки могли вернуться на западный берег и встретиться с врагом. Петр, узнав, что османы переходят на его сторону реки, немедленно приказал Янусу повернуть назад и соединиться с главными силами.

Царь занимал позиции за болотом к югу от села Станилешти. Туда и вернулись усталые солдаты Януса. Но отдыхать им пришлось недолго. На следующий день, в Вокресенье, подоспевшие турки принялись раз за разом штурмовать русские укрепления. Молдаване Кантемира, хоть и неопытные воины, стояли твердо, и в целом силы русских удерживали позиции. Но срочные призывы царя к Репнину поскорее подвести третью колонну на подмогу двум другим оставались тщетными. Солдаты Репнина были зажаты татарской кавалерией в Станилешти и не могли двинуться вперед.

В конце этого долгого дня, после непрерывных турецких приступов, которые раз от раза становились все сильнее, царь, встревоженный отсутствием корпуса Репнина и недостатком провизии, созвал вечером военный совет. Решение, в сущности, могло быть только одно — отступить. Отступление в сторону Станилешти, к дивизии Репнина, началось ночью и продолжалось все следующее утро. Это был кошмарный переход. Турки шли по пятам и непрестанно атаковали русский арьергард. Татарские отряды галопом проносились взад-вперед между телегами обоза, и почти весь он с остатками провианта погиб. Изможденная пехота страдала от жажды. Роты и батальоны строились в каре и таким порядком шли к реке, где по очереди пили, пока другие отбивались от татар. Только к вечеру в понедельник 9 июля вся русская пехота собралась в Станилешти, и солдаты принялись рыть на мысу неглубокие окопы, чтобы отбиваться от неприятельских всадников, рыскавших вокруг.

414

В сумерках стали подходить длинные цепи турецкой пехоты, в том числе и янычар, и пред очами великого визиря отборная османская гвардия обрушилась приступом на кое-как построенный русский лагерь. Русские стояли твердо, петровские солдаты встречали наступавшие цепи янычар ураганным огнем. Первая атака была отбита, турецкая пехота отошла и взялась, в свою очередь, прокладывать линию окопов, полностью окружившую русский лагерь. Подоспела турецкая артиллерия — пушки развернули широким полукругом так, что к ночи на русский лагерь смотрели дулами триста орудий. Тысячи татарских всадников, вместе с поляками и казаками, которых привел Карл, сторожили противоположный берег. Бежать было некуда: царь с армией Попал в окружение.

Силы турок были несметны: 120 000 пехоты и 80 000 конницы. У Петра было всего 38 000 пехотинцев, а кавалерия под началом Ренне осталась далеко на юге. Он был прижат к реке и взят в кольцо тремя сотнями пушек, которые могли разнести его позиции в пух и прах. Еще хуже было то, что солдаты так измучились от голода и жары, что часть из них уже не могла

драться. Даже воды из реки было достать непросто — посланные за ней солдаты попадали под плотный огонь татарской конницы с противоположного берега. Русские земляные укрепления были сделаны кое-как; заграждением для целого участка служили лишь туши павших обозных лошадей и наскоро сооруженные рогатки. Посреди лагеря вырыли неглубокую яму, где укрыли Екатерину с сопровождавшими ее женщинами. Это убежище, окруженное телегами и загороженное от солнца навесом, было жалкой защитой от турецких ядер. Екатерина держалась спокойно, другие дамы плакали.

Петр попал в отчаянное положение. Этой ночью, куда бы он ни глянул, по обе стороны реки мерцали на невысоких холмах тысячи костров громадного османского войска. Утром наверняка начнется приступ, и тогда —

415

конец. Его, русского царя, полтавского победителя, разобьют и, наверное, в клетке протащат по улицам Константинополя. Плоды двадцати лет мучительных, колоссальных трудов могут испариться в один день. Нужели дойдет до этого? А почему бы нет? Не случилось ли в точности то же самое с его врагом Карлом? И по сходной причине: слишком гордый, слишком уверенный в своей счастливой звезде, он безоглядно углубился во вражескую территорию.

На самом же деле положение Петра было гораздо хуже, чем у Карла под Переволочной: шведская армия не попала в окружение превосходящих сил противника, а сам король изловчился бежать. Тут же все карты были в руках у турок: они могли захватить и армию, и царицу, и, главное — того, на ком все держалось, самого царя! Какие жертвы придется ему принести, какие невероятные территориальные уступки или контрибуции потребуются от России, чтобы выкупить его свободу?

Существует предание, будто в какой-то момент царь спросил Некулче, командующего молдавскими войсками, не может ли он как-нибудь проводить их с Екатериной к венгерской границе. Тот отказался, так как понимал, что даже если сумеет пробраться с ними сквозь окружение, то все равно деваться некуда: вся Молдавия уже кишит татарской конницей. Иногда высказывалось мнение, что царь просто струсил. Но когда битва проиграна, а армия на грани капитуляции, глава государства обязан думать о спасении страны. Петр знал, что в этот час он олицетворял Россию. Он знал, какой удар обрушится на страну, если вместе с армией, им выпестованной, в плен попадет и он сам. Армию со временем можно будет создать заново, если он сам останется на свободе. Но никто и ничто не сможет заново создать Петра — эта потеря будет для страны невозполнима.

На следующее утро, во вторник, 10-го числа, все должно было кончиться. Турецкая артиллерия открыла огонь, русские изготовились к последнему бою, но яны-

416

чары на приступ не пошли. Терять было нечего, и Петр приказал совершить вылазку. Тысячи измученных русских солдат поднялись из окопов, ринулись на передовые линии османов и успели нанести им тяжелые потери, прежде чем были отброшены. Во время вылазки русские захватили пленных, и от одного из них Петр узнал, что янычарам сильно досталось в бою накануне, и они не расположены снова идти в атаку на русские позиции. Это, по крайней мере, могло дать царю некоторую надежду на более или менее приличные условия капитуляции.

Пока длилось затишье Петр предложил Шереметеву и вице-канцлеру Шафирову отправить парламентаря к великому визирю и выяснить, какие условия предложат турки. Шереметев, трезво оценивая соотношение сил, без обиняков сказал своему повелителю, что смешно и думать об этом. С чего бы туркам соглашаться на что-либо, кроме полной сдачи противника? Кошка не станет вступать в переговоры с мышкой, если та у нее в когтях. Но на совете была Екатерина, и она поддержала мужа. Шереметеву как командующему русской армии было велено от своего имени составить проект предложения о перемирии.

Петр при подготовке этих предложений смотрел на свое будущее с мрачным реализмом. Он знал, что Карл — гость, а теперь и союзник султана, и предполагал, что любое мирное соглашение будет предусматривать разрешение споров России не только с Турцией, но и со Швецией. Царь предвидел, что ему придется пойти на принципиальные уступки. В конечном счете, он был готов — хотя это не входило в первый вариант его предложений — отдать Азов, скрыть Таганрог и отказаться от всего, что он отвоевал у турок за двадцать лет. Шведам он

отдал бы Ливонию, Эстляндию, Карелию — все, что приобрел в ходе войны, кроме Санкт-Петербурга, любимого своего «парадиза». Если этого окажется мало, он отдаст древний русский город Псков и другие земли.

417

Сверх того, Петр собирался позволить Карлу вернуться домой в Швецию через Россию, признать Станислава польским королем и обещать не вмешиваться более в дела Польши. Он думал предложить великому визирю и другим турецким сановникам крупные суммы, чтобы сделать их посговорчивее: великому визирю он хотел выделить 150000 рублей. К полудню предложения были разработаны, и Шафиров в сопровождении трубача, с белым флагом, отправился вручать их туркам.

Русские и не предполагали, что с появлением Шафирова в турецком лагере у великого визиря, этого горя-вояки, словно гора с плеч свалилась. Престарелый Балтаджи, сидя в шелковом шатре о многих покоях, пребывал в растерянности и вообще чувствовал себя очень неудобно. Его лучшие отряды, янычары, роптали, не желая вновь идти на приступ. Очередная атака на русские позиции, хотя бы и ослабленные, грозила им сильными потерями, в то время как, по слухам, габсбургская Австрия собирала силы для новой войны с турками. Кроме того, великий визирь располагал сведениями, которые не дошли еще до Петра: русская кавалерия Ренне овладела Браиловом, захватила большую часть припасов турецкой армии и взорвала несколько пороховых складов. Понятовский и татарский хан жужжали у него над ухом, что надо решиться на последний штурм и одним ударом покончить и с битвой, и с войной, и с царем. Балтаджи, хоть и против воли, готов был согласиться и дать приказ начать общий штурм, когда в его шатер привели Шафирова. Русский вице-канцлер вручил визирю письмо от Шереметева, где говорилось, что война не отвечает истинным интересам обеих сторон, развязана из-за чьих-то происков и что поэтому двум полководцам следует остановить кровопролитие и попытаться найти почву для примирения.

Великий визирь увидел в этом перст Аллаха. Он мог считаться победителем и героем без дальнейших боевых действий. Не внемля отчаянным призывам Понятовско-

418

го и хана, он велел прекратить обстрел русского лагеря и радостно уселся с парламентаром за стол переговоров. Они беседовали всю ночь. Наутро Шафиров передал своим, что хотя визирь и жаждет мира, но переговоры затягиваются. Петр в нетерпении приказал своему посланцу соглашаться на любые условия, «кроме рабства», но настоять на немедленном соглашении. Русские войска умирали от голода, и при неудачном исходе переговоров Петр рассчитывал последним отчаянным усилием прорваться через турецкие траншеи.

Угроза нового сражения подстегнула Балтаджи, и он по пунктам изложил свои требования. В том, что касалось турецкой стороны, они подтвердили ожидания Петра: царь должен был лишиться всех плодов своего Азовского похода 1696 года и договора 1700 года. Азов и Таганрог следовало отдать туркам, уйти из Черного моря, уничтожить крепости в низовьях Днепра. Сверх того, русским войскам предстояло покинуть Польшу, а право держать постоянного царского посла в Константинополе отменялось. Что же до Швеции, то Петру следовало обеспечить беспрепятственное возвращение Карла XII на родину и «заклучить с ним мир, если обоим удастся прийти к соглашению». Взамен османская армия должна была пропустить окруженные русские войска и позволить им благополучно вернуться в Россию.

Услышав об этих условиях, Петр изумился. Они были нелегки — на юге он терял все, — но оказались куда мягче, чем он ожидал. Относительно Швеции и Балтики говорилось лишь, что Карлу следует отправиться домой, а Петру — попробовать с ним помириться. Это, принимая во внимание все обстоятельства, было сущим благом. Турки поставили одно дополнительное условие: оставить Шафирова и полковника Михаила Шереметева, сына фельдмаршала, заложниками в Турции до тех пор, пока русские не выполнят обещаний вернуть Азов и другие земли.

Петру не терпелось подписать договор, пока великий визирь не передумал. Шафиров взял с собой молодого Шереметева и тотчас вернулся в турецкий лагерь. 12 июля договор был подписан, а 13 июля русская армия с оружием в руках построилась в колонны и стала выходить из злосчастного лагеря на Пруте. Но, прежде чем его покинул последний солдат, Петр и армия, сами того не ведая, пережили еще один решающий момент, который мог оказаться для них роковым.

Пока шли переговоры между Балтаджи и Шафировым, Понятовский изо всех сил старался их затянуть. Агент Карла XII видел, что Петр в ловушке и примет практически любые условия, которые продиктует ему великий визирь. И если при этом интересы его хозяина будут учтены, Швеция сможет восстановить все свои потери, может быть, даже и с лихвой. Поэтому как только Шафиров прибыл в шатер великого визиря, Понятовский мигом выскочил прочь, поспешно написал Карлу записку и передал ее гонцу, который галопом помчался в Бендеры.

Эту записку Понятовский написал в полдень 11 июля. Всадник приехал в Бендеры вечером 12-го. Карл не стал терять ни минуты. Ему оседлали коня, и в 10 вечера он уже скакал сквозь тьму в сторону Прута, протекавшего в 50 милях. В три часа пополудни 13 июля, проведя в седле семнадцать часов кряду, Карл внезапно появился возле внешних караулов ставки великого визиря. Он проехал через расположение турецких войск, чтобы взглянуть на кое-как сооруженные русские укрепления, и увидел, как последние русские колонны беспрепятственно выходят из лагеря под конвоем татарских отрядов. От короля не укрылись ни господствующие позиции турецкой артиллерии, ни то, что не требовалось даже штурмовать русских, а лишь подождать несколько дней, чтобы с легкостью пленить изголодавшихся солдат.

420

Невозможно вообразить, как сокрушался Карл в эту минуту о том, что не присоединился к турецкой армии раньше. Ведь окажись он на месте, чтобы своим авторитетным словом поддержать крымского хана (тот от бессилия плакал, когда великий визирь подписал мирный договор), и все могло бы решиться иначе. Король в молчании проехал мимо турецких солдат, провожавших взглядами русское войско, к шатру великого визиря. Сопровождаемый Понятовским и переводчиком, он без церемоний ввалился в шатер и как был, прямо в грязных сапогах со шпорами, в изнеможении бросился на диван, возле которого стояло священное зеленое знамя. Вошел визирь вместе с ханом, в окружении офицеров. Карл попросил всех выйти, чтобы он мог поговорить с Балтаджи с глазу на глаз. Оба молча выпили по традиционной чашечке кофе, после чего Карл, всячески стараясь держать себя в руках, спросил, почему великий визирь отпустил русскую армию. «Я добился для Порты достаточных результатов, — спокойно отвечал Балтаджи. — Закон Мухаммеда не велит отказывать врагу, если тот запросил мира». Карл поинтересовался, будет ли султан доволен такой скромной победой. «Я команду армией и сам знаю, когда мне заключать мир», — был ответ.

Тут Карл, не в силах смириться с таким крушением всех надежд, вскочил на ноги и отчаянно взмолился: раз уж его интересам не нашлось места в договоре, так не даст ли ему визирь хотя бы немного турецких войск и несколько пушек, чтобы догнать русских, напасть на них и добиться для всех гораздо большего выигрыша? Но Балтаджи отказал — правоверных не может вести в бой христиан.

Игра окончилась, и Карл потерпел поражение. С этой минуты они с Балтаджи стали смертельными врагами и каждый из всех сил пытался избавиться от другого. Великий визирь прекратил выплачивать шведам ежедневное содержание, запретил торговцам поставлять им провизию и стал перехватывать королевскую почту.

421

Карл в ответ нажаловался на него султану. К тому же он приказал своим агентам в Константинополе распустить слух, что истинной причиной, по которой визирь дал уйти царю и его армии, была гигантская взятка.

Это мнение привилось и в России. По одной из версий, Екатерина (одни говорят, что без ведома мужа, другие — что с его тайного согласия) приказала Шафирову пообещать великому визирю за свободу царя огромную сумму, в том числе все драгоценности

царицы.

С сегодняшних позиций, эти истории кажутся преувеличенными. Балтаджи было обещано 150000 рублей — сумма немалая; но непохоже, чтобы именно по этой причине он пошел на сравнительно мягкие условия мира. Причин у него и без того имелось достаточно: визирь не был великим полководцем, его армия не хотела воевать, он боялся нового военного столкновения с Австрией и рад был покончить с войной против русских, к тому же ему претила фанатичная ненависть хана Девлет-Гирея к России и хотелось его приструнить. Далее, визирю несомненно успели донести, что Карл XII извещен о происходящем и с минуты на минуту явится в лагерь с требованием дать русским решительный бой. А ведь если бы и Карл приехал, и Петр попал в плен, то «в гостях» у Балтаджи оказались бы два могущественных монарха Европы, оба лишившиеся армий и совершенно беспомощные — положение не из легких! О дипломатических последствиях страшно было подумать. Между тем, имея в виду интересы турок, Балтаджи добился того, что требовалось. Все земли, отторгнутые Россией, -возвращались султану. Чего еще желать от мирного договора?

Зато Карл ничем не мог себя утешить. Драгоценная возможность воспользоваться подавляющими силами против почти беспомощного врага была упущена — и не просто упущена, а сознательно отброшена. С тех пор, хотя Карл постарался, и небезуспешно, разжечь еще три небольшие войны между царем и османами, такой возможности больше уже не представилось. Полтава оста-

422

лась решающей битвой в петровских войнах против Карла, и после Прута ничего не изменилось. Петр это понимал не хуже Карла. «Там они держали птицу в руках, -говорил он позднее, - но более это не повторится»⁶.

Великий визирь выиграл сражение на Пруте, однако никто, и уж никак не султан, не собирался его благодарить. И Петр, и Карл потерпели поражение, причем Петр, пострадал меньше, чем можно было ожидать, а поражение Карла заключалось в том, что он не получил ничего, хотя мог бы получить все. Союзники Петра, господа Молдавии и Валахии, тоже проиграли, один свои владения, а другой — голову.

Одним из условий заключения мира, с самого начала поставленных великим визирем, была выдача молдавского князя Кантемира. Господарь спрятался под вещами царицы Екатерины в одной из телег, и лишь трое из его людей знали, где он. Поэтому Шафиров мог с чистой совестью сказать визирю, что выдать Кантемира невозможно, поскольку с самого первого дня сражения никто его не видел. Тогда великий визирь махнул рукой, сказав с презрением: «Хорошо, не станем больше говорить об этом. Две великие империи не должны продолжать войну из-за какого-то труса. Он все равно скоро получит по заслугам».

Так Кантемир и двинулся с русскими, забрал из Ясс жену и детей и вместе с двадцатью четырьмя знатнейшими молдавскими боярами ушел в Россию с царской армией. Там Петр осыпал его милостями, дал ему княжеский титул и обширные поместья близ Харькова. Его сын поступил на дипломатическую службу и стал русским послом в Англии и Франции. Но княжеству Кантемира, Молдавии, повезло меньше. Балтаджи отдал ее города и деревни татарам на разграбление.

Судьба Бранковяну, господаря Валахии, изменившего сначала султану, а потом царю, обернулась вполне

423

закономерно: турки навсегда потеряли к нему доверие. Господаря предупредили, что в Константинополе зреет враждебность к нему, и он начал переправлять большие суммы денег в Западную Европу, чтобы подготовить себе комфортабельное изгнание, но затянул с отъездом. Весной 1714 года его арестовали и доставили в Константинополь. Там, в день своего шестидесятилетия, он был обезглавлен вместе с двумя сыновьями.

Договор, подписанный на Пруте, ознаменовал окончание войны, но не принес мира. Петр, удрученный необходимостью расстаться с Азовом и Таганрогом, медлил с их передачей и

требовал высылки Карла XII из Турции. Шафиров, поставленный теперь над Толстым как старший русский дипломат в Константинополе, настаивал перед великим визирем на скорейшем изгнании шведского короля из султанских владений. Балтаджи и пытался это сделать: «Чтоб его шайтан забрал, теперь я вижу, что король он только по имени, что он совершенно неразумен и подобен животному, — говорил визирь Шафирову. — Я постараюсь так или иначе отделаться от него»⁷. Но ничего не вышло, потому что Карл наотрез отказался уехать, а в это время агенты короля в Константинополе усердно подкапывались под самого Балтаджи. Петр все оттягивал уход из приазовских крепостей и приказал Апраксину не разрушать пока азовские укрепления, а ждать дальнейших указаний. Когда под давлением турок Шафиров дал обещание, что Азов будет сдан через два месяца, царь велел Апраксину рыть стены, но не трогать фундаментов и сберечь точные планы, чтобы в случае новых перемен можно было быстро отстроить крепость.

В ноябре, пять месяцев спустя после подписания Прутского договора, Азов и Таганрог все еще не были оставлены русскими. Агенты Карла использовали это обстоятельство, чтобы добиться падения Балтаджи: ис-

424

тория прутского похода искусно приправлялась слухами о том, что великий визирь недаром дал царю убежать — к его шатру в лагере на Пруте подкатывали повозки, груженные русским золотом. Место великого визиря занял Юсуф-паша, ага янычар, который, к удовольствию Карла, объявил новую войну России из-за того, что Азов и Таганрог все еще не были возвращены. Шафиров, Толстой и молодой Шереметев отправили в Семиба-шенный замок. В этот момент Толстой в письме к Петру умолял разрешить ему вернуться в Россию. Он писал, что уже провел в Турции десять лет в мучительных условиях и что переговоры, которые он вел, теперь взял на себя Шафиров, его начальник. Петр согласился, турки — нет. Они объявили престарелому дипломату, что ему придется ждать подписания окончательного соглашения, после чего он сможет вернуться — вместе с Шафировым.

Эта новая война обошлась без сражений и тихо закончилась в апреле 1712 года, когда Петр наконец-то отдал Азов и Таганрог. Апраксин, находясь в дружеских отношениях с турецким пашой, который прибыл занять крепости, сумел продать ему все орудия, порох, провиант и четыре из оставшихся русских кораблей за кругленькую сумму, несмотря на то, что, как уверял позднее Уитворта один русский капитан, проданные суда прогнили и неминуемо «развалились бы на куски при пер-

вом же шторме». Но мирное соглашение снова свелось к нулю, когда был сброшен Юсуф-паша и его место занял Сулейман-паша, прислушивавшийся к непрерывным жалобам Карла на то, что царь все никак не выводит войска из Польши. 10 декабря 1712 года турки в третий раз объявили войну, чтобы добиться выполнения этого пункта договора. Снова Шафиров при поддержке посланников Британии и Голландии сумел загладить протворечия прежде, чем начались боевые действия. «Война, — писал Шафиров Головкину, — противна всему турецкому народу и начата одной султанскою волею;

425

султан с самого начала не был доволен миром на Пруте и взыскивал с великим гневом на визире и на других, зачем не воспользовались тогда как должно счастливыми обстоятельствами».

В апреле 1713 года Ахмед III собрал войско, объявил войну в четвертый раз, и, по наущению Понято вского, составил новые, гораздо более сокрушительные для России условия мира: вся Украина подлежала передаче туркам, все завоеванные Петром территории, в том числе и Санкт-Петербург, следовало возвратить Швеции. Петр в ответ на эту угрозу просто не стал посылать в Константинополь представителя, уполномоченного обсуждать эти вопросы. Со временем воинственный пыл султана поостыл. Он начал сомневаться в разумности идеи вторжения в Россию, а в Карле уже видел источник многих своих затруднений. Бендерскому паше приказали усилить давление на шведского короля, чтобы вынудить его покинуть Османскую империю и отправиться домой. Переговоры с Россией продолжались, великие визири приходили и уходили — Сулеймана-пашу сменил Ибрагим-паша, потом Дамад Али-паша, любимый зять султана. Наконец 18 октября 1713 года эта, четвертая за три года, война

закончилась — султан ратифицировал Адриано-польский договор. Однако Шафиров, Толстой и Михаил Шереметев сидели в тюрьме до тех пор, пока русско-турецкая граница не была окончательно утверждена. В декабре 1714 года их наконец выпустили и позволили уехать домой. Месяцы в заключении и страх за свою судьбу сломили молодого Михаила Шереметева. Он сошел с ума в Семибашенном замке и по пути домой умер. Шафиров и Толстой и дальше играли видные роли в годы царствования Петра Великого.

Оглядываясь на прутское бедствие, Петр мог без труда определить, в чем состояли его ошибки. Он отбросил свою обычную тактику — соблюдать осторожность,

426

вести выжидательную игру, оказавшуюся столь удачной в борьбе с Карлом XII. Вместо этого царь словно вошел в роль Карла и стремительно углубился в османскую территорию, доверившись в вопросе военной помощи и снабжения вероломному союзнику. Царя неверно информировали о численности турецкой армии, и он не рассчитал скорость, с которой двигался великий визирь. Он продолжал идти вперед, даже узнав, что турецкая армия переправилась через Дунай и следует на север, ему навстречу. Позже Петр объяснял, что обязан был продолжать движение, «чтобы не ввергнуть в отчаяние христиан, моливших меня [о помощи]»⁰. По сути же дела, те христиане, на которых он сделал главную ставку в своей кампании — валахи — предали царя.

И все-таки поход Петра на Прут, хотя и неудачный, знаменовал собою открытие нового направления в русской политике. Русский царь вторгся на Балканы; русская пехота всего сорока миль не дошла до Дуная, а русская кавалерия поила из Дуная коней, и было это в 500 милях юго-западнее Киева. Не менее знаменательны были призывы Петра к балканским христианам подняться против неверных и приветствовать русских как освободителей. Это впечатляющее обращение стало семенем, брошенным в плодородную почву, и представление о том, что Россия должна выступать православной защитницей балканских славян, с тех пор прочно укоренилось и дало могучие всходы.

Поражение на Пруте и окончательный договор царя с султаном навсегда пресекли устремления Петра на юг. Со спуском русского флага и разрушением крепостей Азов и Таганрог мечта его юности и шестнадцатилетние труды ушли в небытие. «Господь изгнал меня из этого места, как Адама из рая», — говорил Петр об Азове. При жизни его черноморский флот так и не появился на свет. Устье Дона оставалось закрытым, всем русским кораб-

427

лям по-прежнему запрещался выход в Черное море, опять превратившееся в «турецкое озеро». Лишь при Екатерине Великой предстояло России завоевать Крым, открыть выход из Дона, овладеть Керченским проливом и завершить, наконец, начатое Петром дело.

У России просто не хватало сил осуществить сразу все, чего желал Петр. Он ведь в это же самое время еще и воевал со Швецией, строил Санкт-Петербург и пытался путем стремительных реформ и преобразований превратить Московское царство в новую, находящуюся на современном техническом уровне, европейскую державу. Для этой первостепенной цели Балтийское море и Санкт-Петербург были гораздо важнее, чем Черное море с Азовом. Если бы Петр сделал другой выбор, если бы он прекратил строительство на Неве и направил всю энергию, труд и деньги на колонизацию Украины, вывел бы своих солдат и матросов из Польши и Прибалтики и бросил их против турок, то, возможно, русский флот под петровским флагом вышел бы в Черное море еще при жизни царя. Но он решил иначе. Юг покинули ради Запада, Балтика перевесила Черное море. Вообще, при Петре Россия была ориентирована на Европу, а не на Османскую империю.

Сам Петр беспристрастно оценивал свой проигрыш и четко сознавал его значение. Он писал Апраксину, что печально лишаться крепостей, в которые вложено столько труда и денег, но все же есть надежда, что благодаря этому Россия усилится в войне со Швецией, и это для русских несравненно важнее. Позже Петр дал еще более сжатую оценку случившемуся с ним на Пруте: «Моя „фортунa" состояла в том, что я получил только пятьдесят ударов, когда мне следовало получить сто»¹¹.